

Зонн И.С.

доктор географических наук, генеральный директор ИНПЦ по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

I. Zonn

Professor, Doctor of Geography, General Director of ESPC for Land Reclamation, Water Management and Ecology "Soyuzvodproject", Moscow, Russia

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ СТАНОВИТСЯ ВЕЛИКИМ НЕФТЕГАЗОВЫМ ПУТЕМ

THE GREAT SILK ROAD BECOMES THE GREAT OIL AND GAS ROAD

Резюме: Великий Шелковый путь (ВШП), названный так в конце XIX в. немецким географом Фердинандом фон Рихтгофеном. начал складываться во II в. до н.э. Путь этот – общее название, собирательный символ в сознании народов системы торговых караванных путей, проходивших через области Центральной Азии, связывавших до XVI в. Дальний Восток, в частности Японию, Китай с Передней Азией.

Появление в начале XXI в. новых суверенных государств в Центральной Азии на трассе ВШП придало мощный импульс возрождению древнего торгового пути. После забвения в течение нескольких сотен лет ВШП вновь возродился в новом виде под новым названием – «Новый Шелковый путь». В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе визита в страны Центральной Азии выдвинул стратегическую концепцию совместного построения «экономического коридора вдоль Шелкового пути» на основе сотрудничества инновационного типа, с тем, чтобы активизировать и упрочить экономи-

Abstract: The Great Silk Road (GSR) called so in the late 19th century by German geographer Ferdinand von Richthofen started shaping in the 2nd century B.C. In the minds of peoples the Silk Road is a generalized symbol of trade caravan routes crossing Central Asia, connecting until the 16th century the Far East, in particular Japan, China, with Middle Asia.

Appearance in the early 21st century of new independent states in Central Asia along the GSR route was a powerful impetus for revival of the ancient trade route. In September 2013 Xi Jinping, President of the People's Republic of China, during his visit to the Central Asian countries offered the strategic concept of joint construction of the "economic corridor along the Silk Road" based on innovative cooperation in order to revive and consolidate the economic contacts among the Eurasian countries. Establishment of the modern analog of GSR, a powerful transport and pipeline corridor includes the integrated system

ческие контакты между Евро-Азиатскими странами. Создания современного аналога ВШП, мощного транспортного и трубопроводного коридора, включает в себя комбинированную систему железных дорог и автомагистралей, нефте- и газопроводов, авиалиний и путей морского сообщения.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, транспортировка углеводородов, политика Китая.

of railroads and automobile roads, oil and gas pipelines, airlines, and sea lines.

Key words: Great Silk Road, hydrocarbon transportation, policy of China.

Воссоздание ВШП каждая из стран Центральной Азии осуществляет по своим национальным планам развития. При этом основной предмет торговли шелк сменили углеводородные ресурсы – нефть и газ. Речь идет о поставках нефти и газа стран Центральной Азии, в первую очередь Туркменистана и Казахстана, в сторону Китая, Японии и стран Европы.

За два десятилетия страны Центральной Азии создали собственную инфраструктуру добычи углеводородного сырья, построили ряд новых стратегических экспортных трубопроводов. Практически, географичность маршрутов ВШП отражает направленность нефте- и газопотоков, которая включает восточное или азиатское направление, южное или ирано-пакистанское, центральное или кавказское, северное или европейское. Это уже приводит и приведет к геополитической переориентации стран, по которым проходит ВШП.

Реализация проекта возрождения ВШП в современном варианте позволяет обеспечивать странам Центральной Азии доступ на мировые рынки и тем самым укрепить их экономические и политические позиции.

Шелковый путь – это «шелковая ниточка» из прошлого. Она для нас – мерило того, что человечество жило, развивалось в те далекие годы, она знамение того, что нам предстоит пройти в своем дальнейшем развитии еще не один, а несколько таких славных исторических отрезков времени.

Начинается возрождение на новом качественном уровне всемирно известного гигантской протяженности дипломатического и торгово-обменного Великого Шелкового пути.

Развитие новых газопроводов в восточном направлении связано с углеводородными ресурсами прикаспийских государств – Казахстана и Туркменистана. В качестве потенциального потребителя газовых ресурсов прикаспийских стран выступал Китай, который с начала 1990-х годов проводил в отношении Казахстана и Туркменистана активную политику.

Обсуждение вопроса об организации поставок туркменского газа в Китай началось в 1996 году. Хотя ранее, в 1992 году разрабатывался проект *супергазопровода Туркменистан – Китай – Япония* мощностью 30 млрд м³ в год и протяженностью 8000 км. В его проектировании принимала участие Китайская нефтяная инженерно-строительная корпорация. Позже к ней присоединилась японская «Мицубиси Корпорейшн» и американская Еххон, руководство которой считало транспортировку газа из Туркменистана в Юго-Восточную Азию более выгодным и надежным вариантом, чем аналогичные поставки из Сибири. Труба должна была стать частью разветвленной газопроводной сети, связывающей Туркменистан, Узбекистан и Казахстан с потребителями в Китае, Южной Корее и Японии.

Во время визита в Китай в августе 1998 года президент Туркменистана С. Ниязов обсуждал данный проект, стоимость которого в тот период оценивалась от 8 до 12 млрд долл. Как отметил Цзян Цзэминь в беседе с С. Ниязовым, «туркменский газ необходим активно развивающемуся энергоемкому китайскому рынку». Одним из приоритетов созданной в ходе визита совместной торгово-экономической комиссии было содействие ускорению реализации проекта газопровода. В случае его успешной прокладки трубопровод выступал в качестве одного из стержневых элементов восстанавливаемого в современном варианте древнего Великого шелкового пути. В конце октября 1998 года было закончено ТЭО по этому проекту.

Отметим, что Япония давно присматривалась к транспортировке газа в страну из различных частей бывшего Советского Со-

юза. В 1993 году на конференции «Перспективы Евразии как пространства глобальной связи» в Берлине Национальное исследовательское общество трубопроводов Японии (создано в 1989 году) представило выводы и предложения по проекту Трансазиатского газопровода. В этом документе среди многих предложений вариантов международных маршрутов трубопроводов рассматривался маршрут *газопровода Северо-Восточная Азия и Северный Тихий океан*. Частью этого маршрута был международный *газопровод Туркменистан – Западный Китай – Япония*. Идея этого трубопровода заключалась в том, чтобы газ из Туркменистана снабжал Шанхай и другие прибрежные территории Китая путем строительства трубопровода через газоносные территории Таримского бассейна в Западном Китае. При этом часть природного газа могла экспортироваться в Японию через подводный трубопровод. В тот момент правительство Китая проявило интерес к этому проекту.

Существовал и другой вариант: *газопровод Туркменистан – Узбекистан – Китай и Корейский полуостров*. Стоимость трубопровода составляла 10 млрд долл. при мощности в 18 млрд м³ газа в год.

Тогда проект Туркменистан – Западный Китай – Япония, как и другие масштабные проекты, посчитали нерентабельным из-за низких мировых цен на газ, которые сложились в тот период времени, а также из-за высокой стоимости проекта – порядка 9 млрд долл. В итоге работы были приостановлены. Однако через несколько лет в связи с ростом мировых цен на газ проект снова оказался востребованным. В 2003–2005 годах китайские компании провели на туркменском правобережье Амударьи исследования, которые подтвердили высокую перспективность данной территории [1, С. 117].

Увеличение добычи газа предполагалось достигнуть как через повышение эффективности использования действующего фонда скважин (за счет применения различных способов интенсификации), так и за счет освоения подготовленных к разработке новых месторождений в Центральных и Заунгузских Каракумах, а также в Амударьинском нефтегазоносном бассейне.

Сложные отношения Туркменистана с Россией в первой половине 1990-х годов укрепили Ашхабад во мнении, что необходимо иметь альтернативные газопроводы. Для этого существовало несколько направлений: южное, юго-восточное и восточное. Одно из них предполагало прокладку газопровода через Афганистан к Пакистану, другой – в Турцию через Иран, Азербайджан, Армению, Грузию – в зависимости от варианта маршрута – и далее в Европу. Однако сложная ситуация в Афганистане, санкции США в отношении Ирана не позволили Туркменистану рассчитывать на скорое начало создания трубопроводной инфраструктуры в направлении этих стран. Оставалось третье, восточное направление, предполагавшее поставки газа в Китай, который начал активно действовать в Туркменистане в 2003–2004 годах. Китайские компании готовы были инвестировать в строительство новых трубопроводов, которые должны были вывести туркменские углеводородные ресурсы в Китай. Тем более что в Туркменистане планировали [2], что к 2030 году добыча природного газа [3, С. 8] должна достичь 250 млрд м³. В 2003 году добыча газа составила 59 млрд м³; в 2005 году – 63 млрд м³; в 2006 году – 70 млрд м³.

Отношения Китая с Туркменистаном вышли на новый уровень после визита туркменского президента в Пекин в апреле 2006 года. По результатам состоявшихся переговоров был подписан контракт стоимостью 1,5 млрд долл. на разработку природного газа. По его условиям КННК должна была пробурить 12 разведочных скважин на юго-востоке Туркменистана [4]. В соответствии с соглашением о поставках туркменского газа в Китай планировалось построить магистральный *газопровод Туркменистан – Китай* мощностью 30 млрд м³ газа в год. Общая протяженность газопровода составляла 7 тыс. км, при этом по территории Туркменистана предполагалось проложить 188 км, Узбекистана – 530 км, Казахстана – 1,3 тыс. км, Китая – более 4,5 тыс. км. Сырьевой базой для газопровода должны были стать месторождения на площадках правобережья реки Амударьи на условиях соглашения о разделе продукции. Страны договорились совместно заниматься их разведкой и разработкой.

В июле 2007 года президент Туркменистана снова посетил Пекин. Итогом визита стало подписание соглашения о разделе продукции на газовом месторождении Багтыярлык, на правом берегу Амударьи. Здесь планировалось добывать 13 млрд м³ газа ежегодно. Остальные 17 млрд м³ газа предполагалось добывать на других месторождениях. Согласно прогнозам, запасы газа на этом месторождении составляют около 1,3 трлн м³. Ожидалось, что с 1 января 2009 года ежегодно в течение 30 лет в Китай будет экспортировать 30 млрд м³ туркменского газа.

В августе 2008 года в Пекине прошли переговоры туркменского президента с главой КННК, который сообщил, что к концу 2009 года трубопровод будет построен, а его мощность составит не 30 млрд м³ газа, как это планировалось ранее, а 40 млрд м³. В свою очередь туркменский президент предложил Китаю рассмотреть возможность закупки дополнительных 10 млрд м³ газа к ранее предусмотренным межгосударственным соглашением 30 млрд м³.

В июне 2009 года между Туркменистаном и Китаем была достигнута договоренность о предоставлении Пекином кредита в 3 млрд долл. для промышленного освоения месторождения Южный Иолотань, которое рассматривалось в качестве сырьевой базы для будущих экспортных трубопроводов.

В декабре того же года состоялась торжественная церемония запуска *газопровода Туркменистан – Китай*. Участие в церемонии приняли главы Китая, Казахстана и Узбекистана. На проектную мощность в 40 млрд м³ газопровод должен выйти к 2015 году.

Таким образом, в последнее десятилетие Ашхабад значительно повысил свое влияние в Каспийском регионе, поскольку наряду с российским и иранским направлениями возросла роль китайского маршрута. Ашхабад сумел добиться значительного прогресса в вопросах диверсификации маршрутов экспорта ресурсов на внешние рынки в восточном направлении.

Введенный в конце 2009 года в строй экспортный газопровод из Туркменистана в Китай должен удовлетворить возрастающие запросы китайской экономики в углеводородном сырье. В 2010 году объем поставок по экспортному газопроводу в Китай

составил около 10 млрд м³. Ожидается, что в 2011 году экспорт достигнет 17 млрд м³ газа, а к 2013 году по трубопроводу Туркменистан – Китай будет поставляться до 30 млрд м³ туркменского и до 10 млрд м³ казахстанского газа [5]. При динамично развивающихся китайско-туркменских отношениях европейцы должны приложить значительные усилия, чтобы вызвать у Ашхабада интерес к участию в «Набукко».

В последнее десятилетие Китай последовательно наращивал свою долю в энергетическом секторе стран Центральной Азии, в том числе и в Туркменистане. Данная политика отражала геополитические устремления Китая и возрастающие потребности его экономики в дополнительных объемах углеводородного сырья. В этом ключе проводилась и трубопроводная политика Китая, нацеленная на то, чтобы использовать углеводородные ресурсы Туркменистана, а в более широком плане всего региона Центральной Азии для развития китайской экономики. В итоге энергетическая сфера является определяющей в развитии двусторонних торгово-экономических отношений Китая с Туркменистаном, поскольку энергоносители составляют около 80 % поставок из Туркменистана в Китай.

В конце апреля 2011 года Китай заключил соглашение о предоставлении Туркменистану кредита в размере 4,1 млрд долл. Концерн «Туркменгаз» должен направить средства на реализацию второго этапа промышленного освоения газового месторождения Иолотань.

Переговоры относительно участия Туркменистана в новых трубопроводных проектах проходят при неопределенных возможностях ресурсной базы Ашхабада. Пока все прогнозы строятся на данных, представляемых туркменской стороной. Основываясь на них, в Ашхабаде разработали национальную стратегию развития нефтегазовой отрасли. Согласно этому документу, менее чем через 10 лет, к 2020 году, Туркменистан намерен добывать 175 млрд м³ газа и экспортировать 140 млрд м³.

Отсутствие четких данных по запасам нефти и газа компенсируется политическими заявлениями, которые поддерживают на

высоком уровне интерес к Туркменистану со стороны европейцев и нефтегазовых компаний.

Пока Ашхабаду удастся маневрировать между основными конкурентами, отдавая предпочтение трубопроводным проектам, которые дают стране ощутимый экономический эффект.

Диверсификация Туркменистаном маршрутов доставки углеводородного сырья на внешние рынки не решает для Ашхабада главной проблемы – не позволяет преодолеть сырьевую зависимость. Тем более что Туркменистан и другие страны Центральной Азии продают свой газ значительно дешевле по сравнению с европейским уровнем цен [6].

Стоит отметить, что энергетическая основа сотрудничества преобладает в отношениях Туркменистана и с европейскими странами, которые, так же как и Китай, рассматривают туркменские нефть и газ в качестве дополнительного источника в обеспечении энергетической безопасности. В этом контексте выбор партнеров между динамично развивающимся Китаем и географически далекой Европой сужает для Ашхабада возможности для маневра.

Азербайджан может стать страной, которая запустит «Набукко», предоставив в этот трубопровод минимальный объем углеводородных ресурсов. Однако дальнейшие перспективы «Набукко», его выход на проектную мощность будет определяться в Ашхабаде. Исходя из этого, Туркменистан выстраивает свою энергетическую политику, используя соперничество трубопроводных проектов, предлагаемых для реализации Россией и ЕС.

В мае 2010 года Туркменистан приступил к строительству газопровода *Восток – Запад*, который должен связать его основные месторождения в Довлетабаде и Южном Йолотане с побережьем Каспия. Проект оценивается в 2 млрд долл. и рассчитан на пять лет. Мощность газопровода должна составить 30 млрд м³ газа в год. На начальном этапе по нему планируется прокачивать около 6 млрд м³ газа, а с 2014 по 2030 год – по 30 млрд м³.

Несмотря на то, что газопровод проходит по территории Туркменистана, в будущем он может сыграть большую роль в экспорте туркменского газа за рубеж. По нему газ может поставляться в Прикаспийский газопровод или в Транскаспийский трубопро-

вод, который станет началом проекта «Набукко». И хотя неурегулированность международно-правового статуса Каспийского моря является сдерживающим фактором, в дальнейшем нельзя исключать, что прикаспийские страны проигнорируют данный вопрос и приступят к прокладке трубопровода по дну Каспия. По мнению руководителя Центра нефтяных исследований Азербайджана Ильхама Шабана, большая часть проектов, предусмотренных на нефтегазовом рынке, не может найти практической реализации по причине отсутствия как должной финансовой поддержки, так и контрактов на долгосрочную перспективу [7].

После получения независимости **Казахстан** наряду с разработкой нефтяных месторождений стал уделять большое внимание вопросам увеличения добычи газа и созданию инфраструктуры для его доставки на внешние рынки. В конце 1990-х годов правительство Казахстана намеревалось увеличить добычу газа до 36 млрд м³ к 2010 году. Основная часть прироста добычи должна была прийти на Карачаганакское месторождение. В 2000 году в стране было получено 12,2 млрд м³ газа, из которых 3,4 млрд м³, или 28 %, было сожжено в факелах.

В январе 2002 года правительство Казахстана одобрило концепцию развития газовой отрасли страны до 2015 года. Согласно прогнозу Института экономических исследований Республики Казахстан, добыча газа должна была составить в 2010 году – 43,0–52,3 млрд м³, в 2015 году – 47,5–61,5 млрд м³ газа. По оценкам, объемы его добычи должны были превысить внутренний спрос на 24 млрд м³ к 2010 году и на 34 млрд м³ к 2015 году [8, С. 10]. Позже прогнозы были скорректированы в сторону уменьшения. Согласно более осторожным оценкам [9, С. 276], к 2015 году Казахстан должен увеличить добычу газа лишь до 30 млрд м³.

В середине 2000-х годов повышенный интерес к казахстанскому газу стал проявлять Китай. В марте 2006 года «КазМунай-Газ» и Китайская национальная нефтяная компания заключили соглашение о строительстве *газопровода из Казахстана в Китай*. Первая очередь газопровода мощностью 10 млрд м³ газа в год была создана к 2009 году, а вторая – мощностью 30 млрд м³ газа в год – к 2012 году. Трубопровод проходит от казахстанско-

узбекской границы через Шымкет до Хоргоса. В марте 2008 года «КазТрансГаз» и Trans-Asia Gas Pipeline Limited (дочка КННК) создали совместное предприятие «Азиатский газопровод» для строительства казахстанско-китайского газопровода. Объем инвестиций в его строительство оценивался в 6 млрд долл. [10]. В июле 2008 года состоялось официальное открытие строительства газопровода Казахстан – Китай.

В июле 2009 года состоялась церемония завершения строительства первой нитки *газопровода Казахстан – Китай*. Его стоимость возросла до 7,5 млрд долл. В эксплуатацию казахстанская часть газопровода была введена в декабре 2009 года с пропускной способностью 4,5 млрд м³ газа в год. Тем самым Казахстан положил начало созданию новой трубопроводной инфраструктуры, которая позволяла ему поставлять на внешний рынок не только нефть, но и природный газ.

В последние годы Казахстан снова стал повышать прогнозные показатели, намереваясь в ближайшие десятилетия добиться резкого увеличения добычи газа. Как отмечал председатель ассоциации KazEnergy Тимур Кулибаев на 10-м саммите СНГ по нефти и газу, Казахстан намерен к 2030 году довести добычу газа до 100 млрд м³ в год. Свои планы Казахстан основывает на оценках запасов нефтяного месторождения Кашаган, которые говорят о наличии не только 5 млрд т нефти, но и о запасах газа, оцениваемых в 1 трлн м³. При этом прогнозные запасы газа в Казахстане оценивались в 8 трлн м³. Однако многие данные о наличии углеводородного сырья еще нуждаются в уточнении. Как отмечал А. Шумилин, «нет сегодня в Казахстане и свободных объемов газа. В 2006 году страна добывала около 26 млрд м³ газа и планирует довести добычу до 45 млрд м³ в 2015 году. Этих объемов недостаточно, чтобы заполнить новые трубопроводы» [11].

Подводя итог, следует отметить, что пока китайское направление остается приоритетным для Туркменистана и Казахстана в вопросах поставок углеводородных ресурсов. В свою очередь Китай, расширяя сферу своего влияния в прикаспийских странах преследует не только коммерческие, но и геополитические цели, стремясь не допустить внешнеполитической переориентации

Астаны и Ашхабада в сторону Запада, а также ограничить влияние западных нефтяных компаний. В Пекине пристально следят за диалогом прикаспийских стран с Западом, который через трубопроводные проекты намерен не только вывести прикаспийские страны из-под влияния России, но и ограничить китайский фактор. В свою очередь китайская политика, которая ограничена восточным берегом Каспия, в решении долгосрочных задач нацелена на интенсификацию казахстанско-китайских и туркменско-китайских отношений в сфере поставок углеводородного сырья.

Литература:

- [1] Сыроежкин К. Л. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Т. 2. Алматы, 2010.
- [2] РИА «Новости». 2004. 16 ноября.
- [3] Экономические известия (Украина). 2007. 14 ноября.
- [4] Время новостей. 2007. 17 мая.
- [5] Экономические известия (Украина). 2009. 14 декабря.
- [6] РБК-Daily. 2011. 4 июля.
- [7] Экономические известия (Украина). 2010. 23 декабря.
- [8] Интеграция. 2003. № 5–6 (38).
- [9] Казахстан. Страна и люди. М., 2007.
- [10] Gazeta.kz. 2008. 4 мая.
- [11] Шумилин А. И. Энергетическая стратегия России и США. М., 2008.